

КОНЦЕПТОСФЕРА НАУКИ И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА: К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ

© Н.А. Кудрина

В статье предпринимается попытка разграничения понятий концептосферы науки и научной картины мира, смешение которых характерно для многих современных исследований. Выделяются основные типы рубрикации научной картины мира и принципы ее анализа с позиций лингвистики.

Ключевые понятия: концептосфера; картина мира; научная картина мира; концептуальная система; концептуальные сети; когнитивная база.

Термин *концептосфера*, введенный академиком Д.С. Лихачевым для обозначения совокупности концептов, получил широкое распространение в отечественных когнитивных исследованиях последних десятилетий, которые, однако, свидетельствуют о разном объеме вкладываемого в него значения. Это отчетливо проявляется, в частности, в его «взаимоотношениях» с такими терминами, как *концептуальная система, концептуальные сети, когнитивная база, картина мира*. Стоящие за ними понятия нередко отождествляются с концептосферой, а отдельные попытки их разграничения, как правило, не приводят к однозначному и непротиворечивому решению проблемы.

Так, в ряде работ отмечается синонимичное использование терминов *концептосфера* и *концептуальная система*. Ср.: «Концепты <...> рассматриваются в качестве составляющих концептуальной системы. *Концептуальная система, иными словами концептосфера*, выступает, по мнению Р.И. Павлениса, как система мнений и знаний, определенных представлений о мире <...>» (выделено нами. – Н. К.) [1]. Такое отождествление двух терминов (которое автор цитируемой статьи ошибочно приписывает и Р.И. Павленису) представляется не вполне правомерным уже потому, что концептосфера, вслед за Д.С. Лихачевым, понимается как *совокупность* концептов и при этом не подчеркивается ее системный характер. Для концептуальной системы это свойство, напротив, является основополагающим, что явствует и из самой терминологической номинации, и из часто цитируемого определения Р.И. Павлениса, согласно которому, «концептуальная система носителя языка» – это «система его мнений и знаний о мире,

отражающих его познавательный опыт» [2]. Важное различие двух рассматриваемых понятий заключается также в том, что, по мнению Р.И. Павлениса, концептуальная система не сводится «к какой бы то ни было лингвистической сущности», отражая познавательный опыт человека «на доязыковом и языковом этапах и уровнях» [2], в то время как Д.С. Лихачев говорит о концептосфере языка: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем называть концептосферами» [3]. Таким образом, если исходить из авторской трактовки рассматриваемых понятий, то они не являются тождественными: концептуальная система как более широкое понятие включает в себя концептосферу.

В лингвистических исследованиях последнего десятилетия соперничество терминов, номинирующих данные понятия, все чаще разрешается в пользу термина *концептосфера*. Тем не менее термин *концептуальная система* сохраняется в научном обиходе, хотя трактовка стоящего за ним понятия некоторыми современными исследователями, по сути дела, сближает его с понятием концептосферы. Например, Т.В. Дроздова рассматривает концептуальную систему как «результат обобщения когнитивного опыта человека, хранящийся в виде особых ментальных образований разного типа» [4].

Наряду с термином *концептуальная система* в ряде работ встречается близкий по значению термин *концептуальные сети*, авторство которого приписывается Т. Гивону. Так, С.Н. Плотникова, ссылаясь на Т. Гивона, отмечает, что «концепты объединяются в концептуальный лексикон, представляющий собой семантическую память», которая «ор-

ганизована в виде сети», при этом «в составе концептуальной сети отдельные концепты наиболее тесным образом связаны с окружающими их участками сети, то есть с некоторыми другими концептами» [5]. Ясно, что такому определению вполне соответствует концептуальная система в понимании Р.И. Павлениса. Однако для С.Н. Плотниковой рассматриваемые понятия не являются равновеликими величинами. Автор указывает, что «для обозначения отдельных фрагментов общей концептуальной сети во многих работах используются такие термины, как *концептуальные системы* (*conceptual systems*), *концептуальные домены* (*conceptual domains*), *концептуальные кластеры* (*conceptual clusters*)» [5]. С помощью данных понятий, считает С.Н. Плотникова, исследуется «архитектоника отдельных участков концептуальной сети (концептосферы)» [5, с. 139-140]. Прямое указание на синонимичность данных двух терминов содержится и в следующем высказывании автора: «Для обозначения концептуальной сети используются и другие термины, не менее удачные. Так, Д.С. Лихачев называет взаимосвязанную совокупность концептов концептосферой» [5].

В отдельных исследованиях наблюдается также отождествление терминов *концептосфера* и *когнитивная база*. Например, Л.П. Халяпина после ссылки на данное Д.С. Лихачевым определение термина *концептосфера* пишет: «Аналогичное значение имеет и термин «когнитивная база», разрабатываемый В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и др.» [6]. На наш взгляд, в концепции данных лингвистов более близким к понятию концептосферы является понятие национального культурного пространства. Когнитивная база, являющаяся ядром этого пространства, понимается как «определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которым обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» [7]. Естественно, что «необходимая обязательность знаний и представлений для всех говорящих на данном языке», характерная для когнитивной базы, не соответствует понятию кон-

цептосферы, в значительной степени «сужая» ее.

Наиболее сложные отношения складываются между понятиями *концептосфера* и *картина мира*. Для многих современных исследователей тождественность этих понятий является бесспорной. Например, Е.А. Соловьева, изучающая особенности культурного концепта, отмечает, что «совокупность таких концептов образует национальную концептосферу <...> или концептуальную картину мира, в которой концентрируется культура нации» [8]. Ср. также: «<...> ККМ (концептуальная картина мира. – Н. К.) существует в виде концептов, которые образуют концептосферу <...>» [9]. Фактически отождествляются эти понятия и при сужении их рамками определенного социума, например, научного, о чем свидетельствует следующая цитата из статьи В.Ф. Новодрановой: «проблема формирования научной картины мира выходит на качественно новый уровень как проблема конструирования концептосферы, складывающейся из концептов разных областей знания и отраженной в языке в том виде, в каком она воспринимается специалистами» [10].

Отмечаемое в ряде исследований стремление разграничить понятия, о которых идет речь, пока не привело к удовлетворительному результату. Так, рассматривая соотношение научной картины мира и концептосферы науки, Т.В. Дроздова делает вывод о том, что «именно научная картина мира как особое концептуальное образование служит основой концептосферы науки» [11]. Нам представляется более обоснованной противоположная точка зрения, согласно которой концептосфера, являясь «информационной базой когнитивной картины мира», «обеспечивает ее упорядоченность, структурированность и системность <...>, но не исчерпывает когнитивную картину мира, которая предполагает, кроме системы ментальных единиц-опор, еще и динамические механизмы познания, когнитивные стереотипы восприятия и др.» [12]. Под концептосферой при этом понимается «чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные

признаки внешнего мира» [12]. При данном подходе картина мира рассматривается как более широкое понятие, чем «покрываемая» ею концептосфера.

Такое разведение двух понятий представляется в достаточной степени обоснованным и рациональным. Кроме того, оно позволяет снять сомнения в гносеологической ценности понятия *концептосфера*, которые высказываются некоторыми современными лингвистами. Такое сомнение прозвучало, например, во время дискуссии на междисциплинарном научно-теоретическом семинаре, проходившем в Воронежском университете, в вопросе В.П. Манаенкова: если основание для выделения концепта является произвольным, то «<...> что дает термин концептосфера, кроме классификации?» [13].

Современные исследования свидетельствуют о том, что термин *концептосфера* прочно вошел в научный обиход. Наряду с национальной изучаются групповые и индивидуальные концептосферы, о существовании которых писал и Д.С. Лихачев, отмечая, что в концептосфере русского языка в целом есть и «<...> концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера» [3]. Групповые концептосферы (Л.П. Халыпина называет их «концептосферами малых групп» [6]) выделяются по разным принципам: профессиональному, возрастному, гендерному и т. д. Кроме того, внутри национальной концептосферы изучаются ее отдельные области. Так, С.А. Хахалова изучает «концептосферу метафорической деятельности» и (внутри нее) «концептосферу личностной пристрастности» [14].

Одной из разновидностей групповых концептосфер является концептосфера науки. Но внутри нее, как и внутри покрывающей ее научной картины мира, происходит фрагментация в соответствии с разными областями научного знания. Действительно, размышления о научной картине мира всегда основываются на анализе ее фрагментов, предоставляющих конкретный эмпирический материал. Объектом лингвистического исследования являются средства вербализации какого-либо – в относительной степени обозримого и доступного анализу – ее фрагмента. Для обозначения таких фрагментов в исследованиях, наряду с терминами *концепто-*

сфера (определенной) науки и научная картина мира (определенной) области знания, используются термины *концептуальная модель области знания* (или *концептуальная модель дисциплинарного знания*) и *частнонаучная картина мира*. Кроме того, как отмечает В.А. Депутатов, «интерпретация термина «частнонаучная картина мира» <...> как образа фрагмента универсума, ограниченно заданными параметрами, позволяет исследователям отстаивать существование частнонаучных КМ со статусом «картины исследуемой реальности», «картины микромира» (Колшанский), «профессионального мира» (Леонтьев), «специальной картины мира (Акуленко)» [15].

Все перечисленные термины называют такой фрагмент общенаучной картины мира, который является объектом изучения какой-либо отдельной научной дисциплины или специальной / профессиональной области деятельности. А.Л. Шарандин указывает на важность разграничения в системе научного знания «специальных знаний, связанных с отражением познания объектов той или иной конкретной науки (например, лингвистики, биологии, физики и т. д.), и общих знаний, связанных с познанием природы, общества и мышления в целом» [16]. При этом, как далее отмечает автор, «в оппозиции «специальное научное знание – общее (философское) научное знание» маркированным является специальное знание, о чем свидетельствуют факты, когда в системе философского знания оказываются порой те понятия, которые первоначально сформировались в специальных науках, но затем приобрели статус фундаментальных понятий и тем самым статус философских понятий» [16, с. 85].

Термин *частнонаучная картина мира* представляется наиболее удачным из всех перечисленных, если следовать логике противопоставления *общенаучной* картине мира картины, которая формируется какой-либо одной областью дисциплинарного знания. Однако и этот термин не вполне устраивает, по меньшей мере, с двух точек зрения в связи развитием в науке двух противоположных тенденций – «объединительной» и «разделительной»: наряду с объединением «интересов» двух или даже трех различных наук, приводящим к появлению «стыковых» научных дисциплин, происходит разделение той

или иной науки на самостоятельные области знания, которые тем не менее традиционно подводятся «под общую крышу».

По поводу первой тенденции необходимо отметить, что членение общенаучной картины мира на частнонаучные, в целом отражающее объективное различие «участков» материального мира, изучаемых разными науками, вместе с тем является в определенной степени конвенциональным, поскольку в реальности границы между такими «участками» в достаточной степени размыты. Об этом, в частности, свидетельствует появление большого количества «сдвоенных» и даже «строенных» дисциплин, ломающих проведенные в процессе развития науки четкие демаркационные линии между областями научного знания. По какой бы модели ни происходило объединение концептуальных систем разных научных дисциплин – при явном доминировании одной из них или «на паритетных началах» – научная картина мира, создаваемая в рамках «стыковых» дисциплин, несомненно, по своему строению отличается от «однодисциплинарной» картины мира большей сложностью. Тем не менее формирующаяся на основе изучения «пограничных зон» двух или трех областей знания картина мира тоже рассматривается как частнонаучная.

Сложности в употреблении термина *частнонаучная картина мира*, обусловленные второй тенденцией, заключаются в том, что он может обозначать «разнопорядковые величины» – в одних случаях речь идет о научной картине мира, выстроенной дисциплинарной областью знания в целом, в других – ее разделами, которые в процессе развития приобретают все большую самостоятельность и даже начинают рассматриваться как отдельные научные дисциплины. Так, в настоящее время в языкознании выделяются, прежде всего, общее языкознание и такие частные дисциплины, как романистика, русистика, тюркология и т. п., а также традиционно рассматриваемые как разделы, но, по сути дела, давно ставшие отдельными лингвистическими дисциплинами фонология, грамматика, лексикология, стилистика и более молодая наука об организации текста – лингвистика / теория текста. Каждая из этих наук имеет свой собственный, отличающийся от других, объект исследования, форми-

рующийся в результате «дробления» объекта лингвистики – языка. В современной лингвистике активно развиваются обе вышеназванные тенденции, в результате чего она «распалась примерно на двадцать дисциплин, которые в ряде теорий (учений) делятся на интра- и экстралингвистику и компаративистику (интерлингвистику) (к первым относятся, например, фонетику и грамматику с их подразделениями; ко вторым – психо- и социолингвистику и др.; к третьим, в частности, лингвистическую географию, сравнительно-историческое языкознание и переводоведение)» [17]. Признание самостоятельности этих дисциплин означает, что каждая из них формирует свою частнонаучную картину мира, которая вместе с тем является составной частью *лингвистической* картины мира.

В целях проведения более детального исследования возможно и еще большее сужение пространства научной картины мира, а именно, выделение *фрагмента частнонаучной картины мира*: такой фрагмент «покрывает» не все пространство исследуемой предметной области знания, а какую-либо ее часть – одно из научных направлений, одну из школ того или иного направления, какую-либо научную теорию в развитии и т. д. Для обозначения этой «части от части» картины мира подходит, на наш взгляд, термин *минифрагмент научной картины мира*. Отметим, что В.Ф. Новодранова использует термин *минифрагмент концептуальной картины мира* в более широком понимании – при построении концептуальной модели области знания в целом (т. е. как синоним термина *частнонаучная картина мира*) [18]. В качестве примера исследования минифрагмента лингвистической научной картины мира можно привести работу Л.В. Поповой, посвященную изучению «особенностей концептуализации лингвистического знания в терминосистемах различных школ функциональной грамматики» [19].

Таким образом, выделяется несколько уровней фрагментации частнонаучной картины мира. Это значит, что она имеет иерархическое строение, основанное на принципе «включения»: на каждом уровне, по сути дела, создается своя частнонаучная картина, являющаяся составной частью картины мира вышестоящего уровня.

Все приведенные выше варианты научной картины мира выделяются на основе выделения определенного фрагмента действительности, выбираемого в качестве объекта научного анализа и описания, но существуют и другие критерии ее «рубрики». Так, в соответствии с принципом разграничения коллективных и индивидуальных знаний *коллективной* картине мира противопоставляется *индивидуальная*. Т.В. Дроздова рассматривает коллективную научную картину мира как некий инвариант, формирующийся «в каждый момент исторического и реального времени на уровне коллективного сознания» [20], а индивидуальную картину мира как вариант коллективной в сознании отдельного индивидуума. По сути дела, об индивидуальной картине мира говорит и Н.А. Максимчук, вводя термин *нормативно-научная картина мира языковой личности*, под которым понимается «система представления и организации научного знания: а) соответствующая современной научной парадигме, б) содержащая целостное представление о мире и человеке в мире в многообразии их свойств, связей и отношений и в) отражающая ментальные характеристики языковой личности как члена определенного социума» [21]. Это означает, что работы, рассматривающие *языковую личность ученого* в определенном аспекте, а именно в аспекте «его научного багажа», тоже можно отнести к исследованиям, в которых выявляются особенности различных фрагментов научной картины мира. Фактически построению такого фрагмента посвящена, например, работа С.А. Никулайчевой, изучающей «особенности терминологической номинации в лексикологических трудах» В.В. Виноградова [22].

Индивидуальные варианты научной картины мира различаются, на наш взгляд, не только «толкованием каких-либо понятий (или их отдельных концептуальных признаков), связей и отношений между понятиями, результатов процессов, свойств явлений и др.; оценками, а также мнениями о состоянии научной картины мира и ее фрагментов» [20, с. 116-117], но и самим набором научных концептов, особенностями их взаимосвязей и тем местом, которое, по мнению индивидуума, каждый из таких концептов занимает в соответствующей концептуальной системе. Как подчеркивает Н.Н. Болдырев, «индиви-

дуальность знаний отдельного человека <...> заключается не столько в их исключительности и неповторимости, сколько в индивидуальном характере количественного и содержательного показателей уровня усвоения коллективного знания, плюс его индивидуальная оценка и интерпретация. Иначе говоря, **индивидуальность знания означает индивидуальность его конфигурации в плане объема, содержания и интерпретации**» (выделено автором. – Н. К.) [23]. Такое понимание индивидуального знания ставит проблему взаимодействия и взаимовлияния индивидуального / личностного и коллективного (т. е., в нашем случае, научно-социального) знания как знания, приятного, признанного представителями определенной научной области или одного из ее направлений, одной из научных школ. «Именно своим акцентированным соотношением индивидуального и надиндивидуального, – отмечает В.Е. Чернявская, – научное познание противопоставляется всем иным сферам коммуникации, художественной в первую очередь» [24].

Поскольку ученый является творческой языковой личностью, постольку при исследовании индивидуальной научной картины мира особое значение, на наш взгляд, приобретает выделение и соотношение куммулятивно-репродуктивного и креативного аспектов, которые, впрочем, в определенной степени соотносятся с рассмотренными выше соответственно коллективным и индивидуальным научным знанием. Креативный аспект языковой личности ученого имеет разнообразные проявления, в числе которых в рассматриваемом нами ракурсе, прежде всего, по-видимому, следует принимать во внимание его вклад в формирование и развитие коллективной научной картины мира. Этот вклад может проявляться и в выявлении/формировании новых концептов или отдельных концептуальных признаков уже известных концептов, что, естественно, находит свое отражение в терминоворчестве и в нетривиальности подходов к решению «старых» проблем, и в постановке «новых», и т. д. Одним из показателей важности индивидуального вклада ученого в «копилку» коллективного знания является его влияние на процесс расширения пространства прецедентности соответствующей частнонаучной картины мира.

Представляется важным также отметить то, что при построении индивидуального варианта научной картины мира доступным анализу является только ее «активный слой», проявляющийся в текстах и высказываниях ученого, в то время как составляющий большую или меньшую часть его научной картины мира «пассивный слой» не может быть изучен. Он, однако, является неотъемлемой характеристикой языковой личности, если рассматривать ее, вслед за Ю.Н. Карауловым, как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие (выделено нами. – Н. К.) им речевых произведений (текстов)» [25].

Концептосферы отдельных областей знания складываются из концептов, отражающих особенности соответствующего фрагмента мира, однако различия проявляются не только в самих концептах, но и в принципах, на которых основывается построение научной картины мира, характерной для каждой области знания. Например, В.А. Депутатов выделяет в экологической картине мира бинарный концептуальный центр «человек – природа», формирующийся «за счет концептов, которые, с одной стороны, являются самостоятельными сущностями с набором свойств и признаков, а с другой стороны, вписываются в систему концептов, характерных для данной КМ» [15]. Оба центра – «человек» и «природа» – формируются, по мнению автора, за счет ключевых концептов, составляющих ряд оппозиций типа «агрессор – жертва», «разрушитель – создатель», «враг – друг», «исследователь – преобразователь», «хозяин – гость», «властелин – раб» и др.

Один из перспективных подходов для системного анализа научной картины мира заключается, на наш взгляд, в использовании когнитивно-матричного метода, разрабатываемого Н.Н. Болдыревым и его последователями.

Когнитивная матрица, рассматриваемая как особый формат знания, «объединяет в себе несколько когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений» [26]. Когнитивно-матричный анализ направлен на выявление и описание системы таких контекстов (или концептуальных областей). Например, используя данный метод

при исследовании прецедентных феноменов, характерных для языка экономики, Т.Н. Тимофеева моделирует «когнитивную матрицу НАУКА ЭКОНОМИКА» (выделено автором. – Н. К.) [27] в виде объединения таких концептуальных областей, как: «Теоретические исследования», «Экономические теории» («Собственно экономические теории», «Экономические школы» и «Экономические эпохи»), «Экономические законы», «Эмпирические исследования» («Математические расчеты» и «Статистические обработки»), «Экономическая терминосистема», «Общэкономические факты», «Частные факты экономики исторического характера» [27].

Однако наиболее распространенный в современных исследованиях принцип изучения частнонаучной картины мира ограничивается выявлением ее ключевых концептов, т. е., по сути дела, сводится к построению концептосферы отдельной области научного знания, что также свидетельствует об отмеченном выше непродуктивном отождествлении понятий концептосферы науки и научной картины мира и о насущной необходимости разработки методов исследования последней на основе построения ее концептосферы.

1. Попова Н.С. Образы времен года в аспекте культурно специфических реалий (на материале русского и немецкого языков) // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр. Воронеж, 2002. С. 188.
2. Павленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С. 12.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. С. 5.
4. Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста. Астрахань, 2003. С. 136.
5. Плотникова С.Н. Значение, смысл, концепт: трактовка с позиций когнитивной семантики // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2006. С. 139.
6. Халатина Л.П. Поликультурная языковая личность как новый тип языковой личности, востребованной новой глобальной ситуацией // Языки и транснациональные проблемы: материалы I Междунар. науч. конф. М.; Тамбов, 2004. С. 162.

7. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998. С. 45.
8. *Соловьева (Погорелова) Е.А.* Культурные концепты HEART, MIND и SOUL в концептосфере английского языка // Языки и транснациональные проблемы: материалы I Междунар. науч. конф. М.; Тамбов, 2004. С. 531.
9. *Шестеркина Н.В.* Языковая личность и реальный мир // Языки и транснациональные проблемы: материалы I Междунар. науч. конф. М.; Тамбов, 2004. С. 176.
10. *Новодранова В.Ф.* Мифологические концепты как когнитивные основания психологической терминологии // Филология и культура: материалы IV Междунар. науч. конф. Тамбов, 2003. С. 338.
11. *Дроздова Т.В.* Концепты как основа ключевых понятий в терминологии // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.; Калуга, 2007. С. 141.
12. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 43.
13. *Дискуссия // Значение. Смысл. Концептосфера.* Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2009. С. 17.
14. *Хахалова С.А.* Концептосфера личностной пристрастности: Метафора // Антропологическая лингвистика: концепты: категории. М.; Иркутск, 2003. С. 203.
15. *Депутатов В.А.* Текстовые аспекты вербализации частнонаучной картины мира // Язык и образование: сб. науч. тр. Великий Новгород, 2001. С. 21.
16. *Шарандин А.Л.* Оппозитивные отношения в системе знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2008. С. 84-85.
17. *Лейчик В.М.* Языки профессиональной коммуникации лингвистов // Языки профессиональной коммуникации: сб. статей участников III Междунар. науч. конф.: в 2 т. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 65.
18. *Новодранова В.Ф.* Когнитивные науки и терминология // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания (материалы «круглого стола», апрель 2000 г.). М., 2000. С. 91.
19. *Попова Л.В.* Особенности концептуализации лингвистического знания в терминосистемах различных школ функциональной грамматики // Языки профессиональной коммуникации: сб. статей участников III Междунар. науч. конф.: в 2 т. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 169.
20. *Дроздова Т.В.* Типы знаний и их представление в научном дискурсе // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. тр. М.; Калуга, 2007. С. 116.
21. *Максимчук Н.А.* Знание и информация с позиций нормативно-научной картины мира языковой личности // Язык. Человек. Культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск, 2002. С. 120.
22. *Никулайчева С.А.* Особенности терминологической номинации в лексикологических трудах В.В. Виноградова // Язык. Человек. Культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Смоленск, 2005. Ч. 2. С. 120.
23. *Болдырев Н.Н.* Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов, 2006. С. 38.
24. *Чернявская В.Е.* Коммуникация в науке: коллективный разум и/или индивидуальная когнитивная деятельность // Языки и транснациональные проблемы: материалы I Междунар. науч. конф. М.; Тамбов, 2004. С. 92.
25. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 4.
26. *Болдырев Н.Н., Алпатов В.В.* Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопр. когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 6.
27. *Тимофеева Т.Н.* Прецедентные феномены в англоязычных научных текстах экономической тематики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. С. 11.

Поступила в редакцию 27.06.2009 г.

Kudrina N.A. Conceptual sphere of science and scientific image of the world: dividing the concepts. In the article an attempt of separating of the terms of conceptual sphere of science and scientific image of the world which are often being mixed in lots of contemporary investigations. The article singles out the main parts of the scientific picture of the world and principles of its analysis on the part of linguistics.

Key words: conceptual sphere; image of the world; scientific image of the world; conceptual system; conceptual nets; cognitive base.